

Зум и две имманентности

ДМИТРИЙ КРАЛЕЧКИН

Независимый исследователь, Москва, Россия, euroontology1@mail.ru.

Ключевые слова: карта; зум; Бруно Латур; концепт; Жиль Делёз; трансцендентность; имманентность.

Отправляясь от современной критики понятия «зума» (как экономии усилий, позволяющей определять неочевидные факты или сущности при наличии карты), автор ставит вопрос о связи зума как подозрительной эпистемологической процедуры с философскими концептами, обладающими определенной экономией. Примером критической позиции выбирается подход Бруно Латура, который прямо объявляет зум специфическим визуальным эффектом, пользовательским интерфейсом, который скрывает реальную работу знания, создавая впечатление присутствия там, где вполне может быть отсутствие. Однако анализ философского концепта в определении Жили Делёза и его связи с практикой картографирования указывает на то, что критика зума вписывается в генеалогию трансцендентальной критики, то есть в оппозицию трансцендентности и имманентности, которую теперь можно прочесть как оппозицию экономическую.

Что если имманентность основана на императиве не-экономии усилий, на запрете поиска короткого пути и в конечном счете на невозможности «обладать» (в том или ином смысле) тем, чего сейчас под рукой нет? Но даже если так, такая имманентность не может быть выстроена последовательно, она всегда требует, как указывал Делёз, инстанции «пролета», «пробегания», которая уже указывает на сложность «имманентного» конструирования имманентности. Существуют, таким образом, две имманентности, причем обе не лишены догматического остатка, тогда как «зум» выступает медиатором, связывающим имманентность с самой собой, что позволяет утверждать, что трансцендентность — это метафора имманентности. В конечном счете минимальная трансцендентность концепта не означает его фиксации в качестве трансцендентного, и точно так же зум остается продуктивной составляющей любого картографирования.

ВТОРОЙ том биографии «Годы Линдона Джонсона» («Способы возвышения»), написанной Робертом Каро¹, в основном посвящен избирательной кампании 1948 года, в которой Джонсон боролся за место в Сенате с всенародно любимым тexasским губернатором Коком Стивенсоном. Победа Джонсона (открывшая впоследствии путь на вершины власти) была, как показывает Каро, «украдена» путем предположительного подбрасывания нескольких десятков ключевых бюллетеней в приграничных с Мексикой округах, известных в то время практиками нечистого голосования, скупки голосов и т. п. «Предположительность» как раз и была ставкой игры: преимущество в 87 голосов, полученных Джонсоном и фактически внесенных в списки уже после первоначального голосования, должно было оставаться итоговой, нередуцируемой величиной, то есть всего лишь незначительным компонентом из множества тexasских голосов (более двух миллионов), которые распределялись между двумя кандидатами от демократической партии. Очевидная стратегия Джонсона состояла в выравнивании и сглаживании общей картины голосования, риторическом и политическом не-выделении нескольких десятков голосов, «поданных» за него на сомнительных участках. То есть такая стратегия опиралась на нормализацию общего механизма выборов как картографирования: аккумуляция данных, позволяющая построить общую карту распределения голосов, имеет смысл только в том случае, если существует способ нейтрализации различий между этими данными, приведения их к той форме, которая позволяет отображать их в совокупной картине, репрезентацией которой и является в конечном счете победивший кандидат.

Реактивная стратегия Стивенсона, соответственно, состояла в том, чтобы вскрыть процесс самого этого картографирования, однако он не был к этому в полной мере готов: будучи уверен в победе, Стивенсон предполагал, что выборы пройдут по стандартному джентельменскому сценарию, в котором оба участни-

1. *Caro R. The Years of Lyndon Johnson: Means of Ascent. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1990.*

ка в целом не выходят за рамки дозволенного. В частности, скупка голосов являлась хорошо известной и четко локализованной практикой (в приграничных участках, где можно было использовать завозных мексиканцев), однако, поскольку такая скупка была доступна всем кандидатам, ключевой роли она не играла. Завершение выборов служило сигналом окончания схватки кандидатов. Именно это джентельменское правило и было нарушено Джонсоном, подбросившим (опять же в реконструкции Каро) голоса уже после закрытия участков. Стивенсон столкнулся не с чем иным, как с невозможностью «зумировать» полученную карту голосов в одном конкретном месте: карта была достаточно детализирована, вплоть до имени каждого избирателя, которые выписаны в избирательных списках, однако референции этих имен были поставлены под вопрос: как именно проголосовали эти люди и проголосовали ли они вообще? Данные, представленные на одном, генерализованном уровне, оказалось невозможным уточнить в том месте, в каком они стали проблемой. Уточнение требовало в конечном счете повторного вскрытия урн и пересчета, однако эта процедура не могла быть реализована вне рамок соответствующей судебной процедуры, хотя поначалу Стивенсон и пытался выяснить ситуацию на месте, своими силами, лично отправившись в проблемные участки вместе со своим другом-рейнджером². Такого вмешательства оказалось недостаточно: местные председатели участков и шерифы заняли круговую оборону и не поддались на увещания. Инициированный судебный процесс чуть было не дошел до постановления о повторном вскрытии запечатанных урн, но в последний момент оно так и не было принято — причем, судя по всему, на это не-решение повлияли связи Джонсона на вершине власти, в том числе лично с президентом Трумэном. Карта оказалась такой репрезентацией, которая никогда не может быть реконструирована, тогда как избирательные урны стали настоящими «черными ящиками».

Эта история может послужить удачным примером современной теоретической критики зума как гладкого движения между разными масштабами, формулируемой, в частности, в статье Бруно Латура «Анти-зум»³. Латур придумывает воображаемый

2. Им, кстати, был знаменитый Франк Хамер, выследивший и уничтоживший с группой своих рейнджеров Бони и Клайда.

3. *Latour B. Anti-Zoom // Scale in Literature and Culture / M. T. Clarke, D. Wittenberg (eds.). L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 93–101.*

сценарий: предположим, что в сточных водах в каком-то определенном месте (скажем, в Европе) обнаружен токсичный химикат, сигнатура которого говорит о том, что он совпадает с веществами, извлекаемыми из такой-то конкретной шахты в Конго. Такое зловещее совпадение само по себе не позволяет, однако, утверждать, что опасные химические вещества были перенесены (возможно, нелегально) из одного источника в другой. Сопоставление ограниченных, уже картографированных массивов данных остается принципиально не-уточняемым до тех пор, пока не удалось установить реального места («связи») на уровне причинно-следственных процессов (движения конкретных агентов, переносящих и, возможно, теряющих или подбрасывающих выявленные химические соединения). Карта, образуемая корреляцией одних данных с другими (и обозначаемая, к примеру, стрелкой от Конго к конкретному месту в Европе) лишь создает видимость, что «там, что-то есть», подталкивает к определенному выводу, но на самом деле он не обоснован. Это, по мнению Латура, говорит об *искусственности* эффекта зума, который всегда остается именно что *эффектом*, симуляцией гладкого движения между различными масштабами представления и сбора данных. Однако принципиальный разрыв, мешающий эффекту зума (ставшего общеизвестным после таких произведений, как документальный фильм «Степени десяти» (1968, 1977), устанавливается не между различными презентациями (или проекциями) данных, а между реальным процессом их сбора и связывания и их проекцией и картографированием. Карта в таком случае лишь создает эффект гладкости, движения и континуальности там, где он ничем не обеспечен. Например, между отдельными элементами на карте, как предполагается самой ее логикой, «что-то есть», тогда как на самом деле массивы данных, которые отображаются в виде карты (с применением соответствующих технологий, которые сами по себе обычно предполагают определенные потери), могут и не содержать ничего, что соответствовало бы этому «промежуточному» бытию, точке между двумя другими точками. Разница в масштабе в таком случае выступает лишь указанием на разрыв между двумя сериями сбора данных, двумя принципиально разными картами, которые удачно, визуально и фантазматически, связываются в «одной» карте. Зум — это, таким образом, всего лишь визуальный, оптический или когнитивный эффект, скрывающий как невозможность прямого перехода от карты к данным, на которых она была построена (то есть нетривиальность

ее обратного инжиниринга, требующая, соответственно, разделения «данных карты» и «данных производства карты», каковое, в свою очередь, отсылает к традиционным различиям презентации и репрезентации), так и, что еще хуже, принципиальную лакунарность самих массивов данных, в которых самих по себе, если в них чего-то нет, из наличия карты с ее эффектом гладкого движения и возможного уточнения, ничего дополнительно не появится.

Соответственно, Латур приходит к несколько парадоксальному выводу, который ставит под вопрос картографирование как таковое: реальный процесс исследования всегда должен идти от установления массивов данных и реальных связей между ними, траектории движения агентов и веществ, которая только и может создать основу для визуализации, то есть той или иной проекции-карты (которые в терминах Латура отождествляются). Последняя, следовательно, становится не чем иным, как иллюстрацией, инфографикой, против которой, очевидно, и выступает Латур, отстаивая анти-корреляционный механизм получения знаний: самих по себе корреляций (выражаемых, например, в самом понятии «сигнатуры») на уровне данных недостаточно, поскольку, сопоставив их, мы лишь думаем, что на их карте можно найти некую срединную точку контакта, тогда как в реальности мы можем просто ничего о ней не знать. В воображаемом случае токсичных отходов, обнаруженных в неожиданном месте, причинно-следственная цепочка может навсегда остаться тайной, то есть неизвестно даже то, был ли какой-то контакт и в каком именно месте (в конце концов, сигнатура химического соединения могла быть специально подделана для устрашения). В случае выборов 1948 года Кок Стивенсон был уверен, что совершенно точно знает место и время ключевого «соединения», коннекции незаконных бюллетеней с избирательной урной, однако доказать это в глазах закона ему не удалось, поскольку урны так и не были вскрыты.

Критика зума, а вместе с ним и картографирования как такового не замечает, однако, принципиального момента: если зум настолько порочен, почему он постоянно используется, и почему, в конечном счете, карта используется потому именно, что она способна создавать эффект зума (ведь в противном случае можно было бы полагаться на данные и реальные связи, которые отстаивает Латур)? Для понимания полезности и даже неизбежности зума, как и его проблематичности, которая не ограничивается отсылкой к реальному процессу производства знания,

следует уточнить, что именно представляет собой зум. Важно то, что зум — это не столько само движение от одного уровня или масштаба представления данных к другому, сколько *возможность* такого движения: непрерывность движения, которое можно *не* делать, но, если придется его сделать, оно будет не впустую. С точки зрения критики зума, последний является лишь следствием наложения, мультиплицирования проекций: Латур указывает на то, что в «Степенях десяти» переход от молекулярного к макроскопическому уровню в действительности потребовал бы реального движения наблюдателя от электронного микроскопа к телескопу⁴, что вряд ли можно сделать так, как показано в фильме. Иными словами, зум предполагает монтаж, создающий эффект гладкости за счет разрыва: там, где требуется трудоемкий переход от одного к другому, работа перехода скрывается, более того, неизвестно, была ли она действительно совершена. Специфический реализм и антикорреляционизм Латура питается, похоже, неприятием самой легковесности, моментальности, невесомости зума, создающего возможность углубления и уточнения там, где в действительности углубляться, возможно, не во что. Вероятно, Латур, хотя он и не говорит этого открыто, принципиально не может принять идеализации «пруда с рыбами» Лейбница или «орнитологического доказательства бытия бога» Хорхе Луиса Борхеса. Монтаж, склейка отдельных элементов данных (сопоставимая с их сравнением, корреляцией или совпадением) создает эффект не столько скачка, сколько, напротив, непрерывности в самом месте скачка и стыка, причем этот эффект реализуется на двух уровнях сразу: «поверхностного» или элементарного зума, то есть предположения наличия чего-либо между двумя точкам на карте, подкрепленными имеющимися данными, и собственно «глубинного» зума, то есть вектора намечаемого движения «вглубь», детализации, которая должна определяться уже имеющимися линиями на карте, однако, с точки зрения реального производства знаний, у такой детализации может и не быть никаких оснований. Безосновность, легковесность, незатратность (и в то же время расточительность) и, по сути, сокрытие процессов производства — все это определяет зум в качестве онтологической роскоши, едва ли не буржуазной витрины, виртуализации, за которой прячется суровая реальность недостаточных и плохо сочетающихся данных, масштабов и трудových будней добывания информации.

4. Ibid. P. 98.

Итак, зум можно представить в качестве своего рода спекулятивного и одновременно экономического приема, построенного на нескольких принципах: непрерывности движения и в то же время не-необходимости движения от одного к другому в пространстве или на плоскости той или иной репрезентации; возможности детализации при переходе к более глубокому (подробному) уровню и в то же время не-необходимости такой детализации; наконец, необходимому наличию промежуточного, которое, однако, не-присутствует и даже не нуждается в сколько-нибудь верифицируемом присутствии. В одном из радикальных предшественников «Степеней десяти» — книге голландского педагога Кеса Буке «Космический взгляд: универсум в 40 прыжках»⁵ — намечена его важная составляющая: при переходе к изображению с увеличением масштаба в десять раз первоначальные элементы постепенно исчезают из вида, но при этом все равно считаются присутствующими «где-то там». Например, если на первом рисунке показана девочка на луге, то при переходе к масштабу страны, разрешения рисунка оказывается недостаточно для ее изображения, однако мы знаем, что она где-то там осталась⁶. Невесомость и игривость зума, характерные для него как приема, допускает онтологические утверждения о невидимом, но присутствующем, которые сами построены по той же экономической схеме облегчения пути и срезания углов, такого упрощения, которое в то же время позволяет держать на кончиках пальцев то, что в реальности может оказаться слишком тяжелым. Отсюда можно сделать достаточно очевидный ход к критике зума как «космического вида» или «панорамного снимка», который удерживает в одном жесте схватывания то, что в действительности тотализации не поддается. Панорамирование, монтаж — все это способы достижения специфической онтологической невесомости, парения, которое обнаруживается именно тогда, когда карта приглашает углубиться внутрь нее, но при этом не предлага-

5. Boeke K. *Cosmic View: The Universe in 40 Jumps*. N.Y.: The John Day Company, 1957. Анализ этой работы см. в: Horton Z. *Composing a Cosmic View: Three Alternatives for Thinking Scale in the Anthropocene // Scale in Literature and Culture*. P. 50–55. Интересно отметить, что в немецком переводе выражение *cosmic view* вполне обоснованно передано как «зум»: Boeke K. *Zoom, in 40 Schritten durch den Kosmos: ein Bilderbuch der Größenverhältnisse vom Atomkern bis zur Unendlichkeit*. Bremen: Weltzeit-Verlag, 1982.

6. «Там Билтховен... и там же девочка: мы знаем, что она должна быть, но мы не можем ее увидеть!» (Boeke K. *Cosmic View*. P. 11).

ет средств такого углубления. Зум — не столько само углубление и детализация, сколько воспарение над картой, возникающее в момент потенциального сдвига внутрь нее и по ее поверхности, к той точке, в которой на карте ничего нет, но должно быть, то есть парящее движение над точкой отсутствия.

Критика зума и картографирования в целом забывает о практическом применении карт и, главное, о необходимости зумирования как, возможно, составляющей любой когнитивной операции. Более того, зум в такой форме можно связать с философским концептом как таковым. Если понимать карты как способ практического не-репрезентационного схватывания жизненного мира (каковыми были, например, портуланы), можно говорить о становлении карты концептом (в смысле Жюлья Делёза) и, наоборот, о становлении концепта картой⁷. Последний момент особенно примечателен. Действительно, Делёз дает следующее определение концепта:

Концепт определяется как неделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых (*parcourues*) некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью.

И сразу же уточняет:

«Парение» — это состояние концепта или характерная для него бесконечность, хотя бесконечные величины бывают большими или меньшими в зависимости от шифра составляющих, порогов и мостов между ними⁸.

Ключевой термин «парение» (*survol*), позаимствованный Делёзом у Раймона Рюе и восходящий к гештальтистской и трансценденталистской проблематике, указывает на специфический парадокс карты: зум, определенный выше как особый экономический (и не только визуальный) эффект, требуется именно для того, чтобы карта могла работать имманентно, вне отрыва от вещей, на самой их поверхности, не распадаясь, однако, до хаоса

7. Morizot B. Penser le concept comme carte. Une pratique deleuzienne de la philosophie // La géophilosophie de Gilles Deleuze / P. Broggi et al. (eds). P.: Mimesis, 2012; Sibertin-Blanc G. Cartographie et territoires. La spatialité géographique comme analyseur des formes de subjectivité selon Gilles Deleuze // L'Espace géographique. 2010. Vol. 39. № 3. P. 225–238.

8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М.: Академический проект, 2009. С. 27–28.

тического многообразия не связанных друг с другом составляющих. Определяя концепт — как карту или в карте — Делёз решает две проблемы сразу: синтеза в «бесконечности парящего полета» и запрета на его «трансцендентность», то есть отрыв полета или «пролета» (*survol*) надо ограничить локальным многообразием (не только составляющих концепта, но также, например, портов, мелей и берегов). Чтобы карта вообще существовала как карта — и чтобы концепт существовал как концепт — необходим такой сверхбыстрый пролет над отдельными единицами и составляющими, который в то же время никогда не выходит за их границы, не «пролетает» мимо, паря на минимальном расстоянии от земли: концепт и карта должны работать «ниже радаров», но в то же время невозможна карта без эффекта зума или концепт без хотя бы минимального парения.

Предпринятая Делёзом попытка обыграть Канта на его же территории и представить карту-концепт в качестве имманентного синтеза, который обладает лишь конечной применимостью и не требует инстанции «Я», которая бы выполняла универсальный синтез (и которая замещается «точкой», *point*, в которой можно заподозрить стандартную «точку зрения»), оставляет, однако, нерешенным ряд проблем, имеющих экономический характер: если Кант провел критику трансцендентного приложения категорий рассудка, которые не должны применяться за пределами эмпирического опыта (не то же ли самое делает Латур, требуя ограничить зум в пользу «реального» процесса исследования), то делезовское определение концепта — и, следовательно, карты — как локального и практического сверхбыстрого полета над серией практически значимых компонентов (позволяющего собрать их в «созвездие») указывает на необходимость такой же критики концепта, которому имманентно грозит проблема выпадения в трансцендентное, организуемая бесконечной или мгновенной скоростью преодоления дистанции. Парадокс делезовского определения концепта в том, что, как выясняется, трансцендентность и сама — не что иное, как *метафора имманентности*. Действительно, Рюйе показывает, что введение понятия *survol* служит для метафоризации когнитивного и одновременно жизненного процесса освоения пространства (и времени)⁹, сориентироваться в котором можно только путем минимального приподнимания над лабиринтом частных

9. Ruyer R. Néo-finalisme. P: PUF, 1952. P. 106–107.

обстоятельств и условий. Иначе говоря, имманентность задается не «хаосом» (защитой от которого выступает делезовский концепт), а минимумом локального связывания и сообразования в этом хаосе, «срезом» хаоса, который как раз и выполняет за счет «пролета», позволяющего моментально связать одно с другим, но раз так, сам «пролет» — как метафора такого связывания и схватывания — говорит о том, что для задания имманентности от нее уже требуется отступить на минимальное, стремящееся к нулю расстояние, иначе имманентность просто не состоится. В саму конструкцию имманентности уже встроена нулевая трансцендентность «пролета», без которой она вообще не была бы местом концепта, не была бы им собрана. Имманентность, таким образом, — то, что возможно при минимальном «шаге» трансцендентности.

Шаг трансцендентности — то, что отличает логику зума и карты/концепта от логики данных и производства знания. Действительно, в этом пункте сталкиваются, по сути, две формы имманентности. Одна отсылает к производственным процессам сбора или выборки данных (поэтому Латур говорит не о «данных», *data*, а о *sublata*¹⁰, выбранных и выделенных), то есть процессу сколь угодно гетерогенному, но не позволяющему в конечном счете осваивать его с минимального трансцендентного расстояния «облета». Строго говоря, последний сам по себе не запрещает

10. Указывая на то, что данные не могут считаться *data* (от *dare*), то есть данным и подаренным, а должны быть *sublata* (причастие от *tollere*), то есть «поднятым», добытым и перенесенным из одного места на другое, Латур отсылает, видимо непреднамеренно, к известному комментарию Гегеля по поводу своего ключевого понятия *aufheben*, в котором, как и в латинском *tollo*, сочетаются значения «поднять, возвысить» и «уничтожить»: «Для спекулятивного мышления отрадно находить в языке слова, имеющие в самих себе спекулятивное значение; немецкий язык имеет много слов такого рода. Двойкий смысл латинского слова *tollere* (ставший знаменитым благодаря остроте Цицерона: *tollendum esse Octavium* [Октавия надо возвысить/убрать/уничтожить]) не идет так далеко: утвердительное определение доходит лишь до поднятия, возвышения» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1937. Т. 5. С. 99). Вряд ли Латур согласился бы с тем, что в его трактовке данные — уже не *data*, а *aufgehobene*, однако именно это обозначает ключевую проблему, здесь обсуждаемую: сам процесс сбора данных, если понимать его как «сублиацию», уже указывает на сохранение-уничтожение, характерное для зума: остается присутствовать именно то, к чему мы уже не можем получить доступ, пробиться, однако это не значит, что оно уничтожено и полностью отменено.

ется, но низводится до уровня иллюстрации, вспомогательного средства, чем в общем-то восстанавливается стандартная архитектура знания, в котором первое и наиболее близкое для нас (карты или догматические представления) никогда не может быть первым по природе, хотя последняя в данном случае и приравнена к нашим собственным процедурам добычи знания. Проблема такой имманентности — в необходимости постоянно бороться с инфографическими миражами, презентациями, создающими эффект гладкого движения в месте его отсутствия и недостаточности. Критика ставки на корреляцию данных (в варианте Латура) в таком случае приводит не к восстановлению привилегии теоретического взгляда (как показывает в вышеупомянутой статье Батист Моризо, опираясь на французского картографа Кристиана Жакоба, взгляд карты всегда можно понимать в традиционных категориях как взгляд ума, идеирующий взгляд, который видит сущности, важные в практическом отношении), а, напротив, к реализму данных или реализму *sublata*: данные, стремящиеся спроецироваться в виде карты, возрождают традиционные эпистемологические страхи овеществления и фетишизации, защититься от которых можно только погружением в саму реальность данных. Это, в свою очередь, указывает на то, что критика картографирования данных (и чрезмерной легкости зумирования, производящего ложный эффект доступности) опирается на экономико-этический императив, требующий жертвовать легким и доступным в пользу тяжелого, но более полного и реального. «Не искать легких путей» — принцип не только эпистемологии такого рода, сторонящейся трансцендентных миражей и искушений, но и самой реальности, ей соответствующей, то есть предполагается, что (1) реальность заведомо сложнее и трудозатратнее своей презентации и (2) она все же доступна нам, то есть у нас есть на нее средства (мы не обязаны ограничиваться картами или концептами). Такая имманентность оказывается углублением, которое может начинаться с зума, но в конечном счете превращается в его провал: там, где зумирование предполагало наличие детали, обнаруживается лакуна, которая только и говорит об имманентности (и одновременно реальности), выступая эквивалентом фальсификации зума/карты/концепта, да и всей логики «облегчения» и «парения». Несмотря на реалистические коннотации, такая реальность сама оказывается вариантом классической анти/ритори-

ки де-метафоризации и де-презентации¹¹, поскольку в конечном счете любая карта оказывается иллюстрацией, виньеткой, эстетическим объектом, который привлекает самой своей аутореферентной формой, а не точностью, которой можно пожертвовать. Отличие от классической атаки на риторику в том, что здесь она проводится в пространстве самих данных, которые могут быть либо сырыми, либо приготовленными, причем именно первые позволяют развивать сами себя, длить процесс собственного порождения.

Вторая же имманентность — карты или концепта — остается по необходимости поверхностной, она не требует ни углубления в гетерогенную реальность производства данных, ни удорожания самой реальности как способа векторизации ее «реалистичности». Имманентность определяется как то, что удастся схватить «с лету», в пролете над собранным множеством практически или теоретически значимых компонентов, соответственно, имманентность сама оказывается таким поверхностным эффектом, эффектом «с лету». Однако поверхность не означает поверхностности и плоскости — такая имманентность отличается тем именно, что позволяет совершать физически невозможные, не-экономные движения, которые не могут реализоваться в плоскости выделенных компонентов или в их хаосе. «Пробегание», «паркур» (в том числе в современном спортивном смысле), создаваемый пролетом и парением, позволяет схватывать нечто с лету и налету, но он же создает специфические для этой имманентности проблемы «критики», а именно ограничения применимости и догматизации. Хотя концепт и карта всегда противостоят готовым представлениям, они в то же время склоняют к некритическому, не-имманентному применению и расширению. Для карты такого рода характерен *overreach*, для предотвращения которого у нее нет никаких специальных средств. Защита от перерастаживания и перенапряжения не встроена в карту, но точно так же она

11. Сопротивление классической риторике, в частности, лежало в основании проекта научной теории политического устройства, сложившегося в Новое время. Классическое исследование этого вопроса в контексте работ Гоббса, проведенное Квентином Скиннером (*Skinner Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996), можно, соответственно, прочитать как историю сопротивления самовоспроизводству аутореферентного риторического концепта, которое велось, однако, средствами разума, а не данных, как в наше время.

не встроена и в концепт, который в результате становится готовой схемой, понятием-затычкой. Проблемы такого рода определяются тем, что разрыв между имманентностью и необходимым для нее трансцендентным шагом дублируется разрывом между аутореферентностью и референцией карты: хорошая карта замыкает на себя, но при этом она добивается этого за счет легкости референций, которые не нужно каждый раз восстанавливать заново. Однако такая имманентность, стремясь к эффекту легкости и невесомости (или незатратности), готова выродиться в экономию усилий, что позволяет переписать концепт в качестве догматической конструкции.

Вопреки (или благодаря) известной остроте Льюиса Кэрролла из «Сильвии и Бруно»¹², совпадение карты с территорией оказывается, таким образом, залогом ее практичности, а не наоборот: хорошая карта — та, что создает эффект максимально гладкого зума, но не требует его реального выполнения. В определенном смысле исполнение зума уже указывает на его провал, соответственно, хорошая карта — та, что обходится без него, устраняя необходимость перехода от одной карты к другой, от одной репрезентации к третьей. То есть такая карта должна была бы обладать достаточной точностью, но не требовать уточнения, что в реальных картах, конечно, невозможно — речь, скорее, о практическом идеале, которому противостоит зумирующая деструкция карты, переход к новым и иным уровням детализации (которые еще требуется сопоставить друг с другом как детали друг друга). Одна имманентность — имманентность потенциально-

12. «— Какая это все-таки полезная вещь — карманная карта, не правда ли? — заметил я.

— Да, это одна из тех вещей, которые мы позаимствовали у вас, англичан. Но мы пошли в этом куда дальше вас. Каков, по-вашему, самый крупный масштаб на карте?

— Что-нибудь около шести дюймов к миле.

— Шесть дюймов? Всего-навсего? — воскликнул Господин. — Мы скоро выпустим карту в масштабе шесть ярдов к миле. Затем мы подготовим карту в масштабе сто ярдов к миле. А затем воплотим в жизнь самую грандиозную идею! Мы выпустим карту всей страны в масштабе один к одному!

— И как же вы намерены ею пользоваться? — спросил я.

— Разумеется, всю ее разворачивать не придется, — отвечал Господин, — начнутся протесты фермеров! Они скажут, что карта мешает им и закрывает солнечный свет! Поэтому картой нам послужит... сама страна! Смею вас уверить, все получится как нельзя лучше» (перевод Андрея Голова).

го, но не выполняющегося зума, — создает эффект такого удобства, который не требуется менять на какую-либо иную карту, позволяет не видеть в карте карту, но легко перемещаться — в полете — по ней и над ней. Такая имманентность не выдерживает критики со стороны своего рода картографического реализма, который, пользуясь классической оппозицией репрезентации и репрезентируемого, в которой второй элемент всегда получает привилегию, требует умножения карт и их представления в качестве всего лишь инфографики реальности.

Линдон Джонсон стал первым кандидатом в законодательное собрание США, начавшим применять в избирательной кампании вертолет. Он обращался к избирателям через громкоговоритель, но иногда его личное присутствие заменял магнитофон, на который были заранее начитаны речи Джонсона. Перелет от одного места к другому создавал эффект всеприсутствия, имманентного распространения кандидата по всем точкам территории, расстояние между которыми ранее преодолевалось трудоемкими автомобильными переездами. Парение над территорией, огромные усилия на перемещение из одной точки в другую, в том числе в дискурсивном поле, в котором часто приходилось выступать с противоположных позиций, позволило в конечном счете взломать имманентность традиционного кандидата, которого поддерживала сама реальность. Предположительные правонарушения не смогли подорвать удобства карты, которую Джонсон сам и создал — проложив траекторию движения по Техасу и его системе СМИ. Карта совпала с территорией, наложив запрет на реальный зум.

Библиография

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1937. Т. 5.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М.: Академический проект, 2009.
- Boeke K. Cosmic View: The Universe in 40 Jumps. N.Y.: The John Day Company, 1957.
- Boeke K. Zoom, in 40 Schritten durch den Kosmos: ein Bilderbuch der Größenverhältnisse vom Atomkern bis zur Unendlichkeit. Bremen: Weltzeit-Verlag, 1982.
- Caro R. The Years of Lyndon Johnson: Means of Ascent. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1990.
- Horton Z. Composing a Cosmic View: Three Alternatives for Thinking Scale in the Anthropocene // Scale in Literature and Culture / M. T. Clarke, D. Wittenberg (eds.). L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 50–55.

- Latour B. Anti-Zoom // Scale in Literature and Culture / M. T. Clarke, D. Wittenberg (eds.). L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 93–101.
- Morizot B. Penser le concept comme carte. Une pratique deleuzienne de la philosophie // La géophilosophie de Gilles Deleuze / P. Broggi, M. Carbone, L. Turar-bek (eds). P.: Mimesis, 2012.
- Ruyer R. Néo-finalisme. P.: PUF, 1952.
- Sibertin-Blanc G. Cartographie et territoires. La spatialité géographique comme analyseur des formes de subjectivité selon Gilles Deleuze // L'Espace géographique. 2010. Vol. 39. № 3. P. 225–238.
- Skinner Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

ZOOMING AND TWO IMMANENCES

DMITRIY KRALECHKIN. Independent scholar, Moscow, Russia,
euroontology@mail.ru.

Keywords: map; zooming; Bruno Latour; concept; Gilles Deleuze; transcendence; immanence.

Starting from criticism of concept of “zooming” (understood as an economical way of saving effort with the goal of determining non-evident facts and essences on the base of a map), the author interrogates the relation between zooming as a doubtful epistemological procedure and philosophical concepts with their economy. Bruno Latour presents a clear-cut instance of criticism of zooming: the latter is declared to be a visual effect, a user interface that covers the real working of knowledge up. But the analysis of Gilles Deleuze’s definition of philosophical concept reveals that questioning of zooming implies the tradition of transcendental criticism and, henceforth, the opposition between transcendence and immanence which can be read now as an economic one.

What if immanence were founded on the imperative of a fair effort, on the ban of any shortcut, and on the impossibility of mastering anything that is not present at hand? Nevertheless, this kind of anti-economical immanence can’t be articulated coherently, it needs, as Deleuze proved, an instance of “overflight” implying that immanence can hardly be articulated in an “immanent” way. Henceforth, there are two sorts of immanences, but both are not free from a dogmatic remnant. If it is the case, zooming plays a role of a mediator, relating immanence to itself, and so transcendence can be just a metaphor of immanence. At the end of the day, a minimal transcendence of a concept does not mean it is framed as a transcendental instance, so zooming is still a productive moment of any mapping.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-187-201